

ФИЛОСОФИЯ*(специальность: 09.00.11)*

УДК 101

Б.И. Буйло*Юридический институт (филиал)**Российского государственного университета транспорта*

builobi@mail.ru

**НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ
В ФИЛОСОФСКОЙ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ
МЫСЛИ РОССИИ****[*Boris B. Builo National idea
in the philosophical and sociopolitical Russian thought*]**

Russian philosophy of the XIXth century understood as a Slavic idea, and then as a Russian idea, was the subject of study of many Russian philosophers and thinkers of that time. Russian revolution of 1917 in Russia, according to the majority of representatives of Russian philosophy after the October abroad, meant the collapse of the Russian idea, because its place was taken by the socialist idea. However, in our view, the "collapse" in the previous understanding of the Russian idea did not mean denying the need for this idea as a whole for Russia. It is just that Russian thinkers of the XIX century did not offer the same ideals and values that could have inspired the United Russians at the beginning of the XX century. Russian philosophers of the XX century N. Berdyaev and the Eurasians, one of the most famous Russian philosophers in the West, are considered in this work. Berdyaev and the Eurasians had much in common in understanding the nature and purpose of the Russian Empire, but there were also significant differences. In the views of the Eurasians, the Russian idea, like that of Berdyaev, was understood as an "intelligible image of Russia", a spiritual principle that unites the peoples of Russia since the time of the Moscow Kingdom. The Bolsheviks proposed their own, qualitatively different from all previous ideals of social justice and equality, and, according to Berdyaev, in the future Russia, this ideal of social justice must be preserved as the basis for the unity of all Russian peoples.

Key words: Russian idea, Orthodoxy, spirituality, social justice, October revolution of 1917, socialism, Bolshevism.

Национальная идея, понимаемая в русской философии XIX в. как идея славянская, а затем как русская идея, была предметом изучения многих отечественных философов и мыслителей того времени. Ее содержание и предназначение для России рассматривали в своих работах Н. Данилевский, Вл. Соловьев и другие известные представители российской фило-

софской и социально-политической мысли XIX века. Октябрьская революция 1917 года в России, по мнению многих представителей философии русского после октябрьского зарубежья, означала крах русской идеи, так как ее место заняла идея социалистическая. Однако, на наш взгляд, «крах» в прежнем понимании русской идеи не означал отрицания необходимости в целом этой идеи для России. Очевидно, отечественные мыслители XIX века предложили не те идеалы и ценности, которые могло бы вдохновить и сплотить россиян в начале XX века.

В исследовании в основном рассмотрены взгляды на русскую идею одного из наиболее известных на Западе русских философов XX века Н. Бердяева и евразийцев. В понимании природы и предназначения русской идеи у Бердяева и евразийцев было много общего, но имелись и существенные различия. Изучая русскую идею в творчестве Н. Бердяева, необходимо отметить, что она раскрывается в его культурно-исторической концепции в качестве идеи спасения, включающей идеал социальной справедливости и братства народов в виде своей имманентной сущности. Эта идея в течение длительного времени российской истории существовала подсознательно в недрах ментальности и духовной культуры русского народа, не имея конкретного, соответствующего ее содержанию выражения и реализуя себя фактически в качестве еще темного инстинкта. Как и в целом, русская культура была крайне противоречивым явлением. Отражая духовные стремления и веру российских народов в великое предназначение их родины, эта идея содержала в себе мысль о богоизбранности и богоносности России.

Русифицированный вариант православия и идея Москвы как Третьего Рима составляли ее смысловую основу и определяли характер развития. Историческое призвание России раскрывалось в русской идее в виде движения к цели по собиранию, объединению себя как единого целого и через это – достижение вселенского единства. Поскольку подобную миссию не могло выполнить государство, занимающее слабое положение в мире, то русское мессианское сознание имманентно содержало в себе идею создания Великой России. «Как и всякая глубокая идея, связанная с духовными основами жизни народов, она (не могла и – Б.Б.) не может погибнуть» от временных внутренних и внешних неудач, она рассчитана на долговременные и дальние перспективы. В этой идее судьба российских народов и их будущее. Уни-

чтожьте ее и вы лишите их единой национальной воли и самосознания, превратите народы в механическое сообщество людей, способное сохранить на какое-то время единство, но лишь в результате постоянного давления и насилия осуществляемого на них сверху.

Вместе с тем русская идея, как подчеркивал Н. Бердяев, не была и не могла быть идеей «цветущей культуры могущественного Царства», она являлась эсхатологической идеей Царства Божьего. Русская идея – это идея спасения, а не идея культуры. Она есть идея конца истории, конца этого мира, а не его середины, «конца Христова». Исследуя различные этапы предреволюционного брожения в России, Бердяев выделял в качестве общего для них духовного основания, стремление к воплощению в жизнь идеи социально-справедливого общества, которая была выражением русской идеи. Характеризуя последнюю, он отмечал в качестве составляющих ее элементов: идеализм, жертвенность, максимализм, эсхатологизм и мессианизм.

В русском марксизме, по мнению Бердяева, содержались все эти элементы, хотя имманентно присущие ему идеализм, эсхатологизм и мессианизм принимали превращенную и, следовательно, скрытую форму. Поэтому большевизм, согласно Бердяеву, выступил «извращенным осуществлением русской идеи». В нем «часть интеллигенции, путем упрощения интеллектуального уровня своего сознания», сливалась с наиболее сознательной и просвещенной частью пролетариата, а затем и крестьянства, образуя организационно-идеологическое единство революционной интеллигенции и народа.

Русификация Лениным марксизма фактически состояла в том, что в неявном виде он стал нести в себе русскую идею, в которой православные идеалы были трансформированы в принципы коммунистической духовности. В этой связи вызывает определенные возражения критика Н. Полторацким специфики русской идеи, как она представлена в работах Н. Бердяева. «Основные черты идеалистической и жертвенной русской интеллигенции – писал Н. Полторацкий – Бердяев усматривает в максимализме и тоталитаризме, безгосударственности, революционности и народничестве, беспочвенности, скитальчестве и эсхатологизме. Но ведь именно таковы и те черты, которыми Бердяев характеризует религиозно-историческую идею русского народа. Не представляет поэтому никакого сомнения, что русская идея, пропагандируемая Бердяевым, есть идея русской интеллигенции, а не идея русского

народа» [5]. Не соглашаясь с подобной оценкой, на наш взгляд, необходимо отметить, что большинство из перечисленных черт, присущих интеллигенции, были свойственны и всему русскому народу.

И это вполне естественно, поскольку российская интеллигенция, сформировавшаяся, начиная с петровской России, в процессе восприятия западной культуры, вышла, тем не менее, из народа и всегда стремилась в него опять войти. Идеиные истоки интеллигенции и народа были едины. Раскол между интеллигенцией и народом порождался не тем, что они были носителями разной идеи; его причина состояла в различии культурных форм ее выражения. Именно поэтому, в лице большевиков, часть интеллигенции смогла соединиться с народным движением, поскольку имела место общность духовных оснований. При этом власть и непосредственно связанные с ней условия, по мнению Бердяева, в отличие от интеллигенции и народа, на протяжении всей истории петровской России, действительно исповедовали другую, в основном имперскую идею.

В «Истоках и смысле русского коммунизма», «Русской идеи», «Самопознании» и других работах, написанных в эмиграции, Бердяев специально подчеркивал, что из его утверждения о невозможности построения коммунистического рая на земле вовсе не следует, что к нему не надо стремиться. Коммунизм всегда мыслился его создателями как совершенное и в этом смысле завершенное общество. Но достигая совершенства в своей жизни, человечество преодолевает рамки его земного, материального существования и выходит на границу совсем иного бытия.

Поэтому коммунизм в качестве идеологии Советской России стал естественным продолжением национальных традиций с их максимализмом и стремлением к социальной правде. Русского человека, по мнению Бердяева, никогда не удовлетворяло срединное царство культуры. В глубинах его сознания всегда хранилась «мечта о Царстве Божьем на земле». Вследствие этого русский коммунизм с его теорией совершенного и социально справедливого общества явился хотя и деформированным своим тоталитаризмом, но вполне соответствующим национальному характеру развития русской идеи.

В геополитическом плане у России на протяжении ее многовековой истории не было, и не могло быть, близких, основанных на общих культурных ценностях, друзей. Осваивая огромное по размерам евразийское пространство,

она формировалась как самостоятельный, с элементами собственной цивилизации, уникальный мир. И для Запада, и для Востока Россия оставалась чуждым культурным образованием. Сильную Россию могли бояться, с ней могли дружить, но даже в дружбе она была для других стран инородным телом. Реформа Петра I не вывела Россию из изоляции. В культурном отношении она превратила ее в окраину Европы, расколов все российское общество.

Большевики, по мнению Бердяева, предприняли попытку вернуть Россию к ее допетровским истокам, объединив все народы Евразии общим идеалом социально справедливого общества. Советская Россия стала примером единения различных народов на базе духовной близости. Для огромной части человечества она превратилась в символ самостоятельного развития и противостояния капиталистическому Западу.

Однако процесс обуржуазывания коммунистической бюрократии, которому объективно способствовали недооценка духовного фактора и построение модели государственного социализма в Советской России, создавал предпосылки для духовного перерождения властвующей элиты и ее отказа от коммунистических принципов. Подобное развитие событий, по мнению Бердяева, таило в себе опасность для будущего России. Исторически народы России всегда консолидировались на основе общей духовной близости. Она давала возможность человеку идентифицировать себя с Россией.

Поэтому, считал Бердяев, возможное свержение коммунизма в Советской России путем реставрации буржуазных отношений, неизбежно обернется для нее трагедией. Дискредитировав в глазах российских людей коммунистический идеал, новая переродившаяся советская элита не сможет предложить вместо него ничего кроме либерально-буржуазных ценностей или русского национализма. И то и другое в долговременной перспективе не сможет служить основой духовного единения народов прежней России.

Принципы либеральной идеологии по своей природе космополитичны, и не несут в себе никакой объединяющей национальной идеи. Русский национализм предполагает в качестве основы этническую общность людей. Он спровоцирует ответный национализм других, нерусских народов, и в конечном итоге приведет к развалу многонационального государства. Капитализация Советской России, по мнению Бердяева, неизбежно разрушит прежнее духовное единство и при этом не создаст ничего, что могло

бы восстановить его в будущем. Единство, если оно на какое-то время и сохранится, будет поддерживаться с помощью силы, исключительно принудительным способом.

В результате неизбежного в процессе свержения коммунизма путем капитализации развала экономики и углубляющегося социального неравенства в российском обществе, народ, доведенный до крайней степени унижения и нищеты, потеряет чувство национального достоинства. У него может исчезнуть сознание необходимости существования России. По образному выражению Г.П. Федотова, народу станет «уже ничего не жаль: ни Белоруссии, ни Украины, ни Кавказа. Пусть берут, делят, кто хочет. «Мы рязанские»» [7]. Поэтому, подчеркивал Бердяев, свержение коммунизма в России путем реставрации буржуазных отношений, будет значительно большей трагедией, чем его существование. В длительной перспективе оно закончится неудачей и может обернуться лишь невосполнимыми потерями и катастрофическими потрясениями.

В воззрениях евразийцев русская идея, как и у Бердяева, также понималась в качестве «умопостигаемого образа России», духовного начала, объединяющего народы России со времен Московского царства. Единство климатических и географических условий проживания народов Евразии, объединило их в потенциально замкнутую целостность и позволило монголам в свою время создать империю. Но отсутствие у евразийских народов объединяющего их духовного начала, привело в конечном итоге к распаду Орды. Византийское Православие, развитое на русской почве, оказалось именно той духовной основой, которая создала соборное единство всех народов Евразии. В результате реформ Петра и последующей европеизации России духовное единство ее народов было во многом разрушено.

Большевики предложили собственный, качественно отличный от всех прежних, фактор, выступивший основой нового объединения народов Евразии. «В качестве такого объединяющего фактора – подчеркивал князь Н.С. Трубецкой – революция выдвинула осуществление известного социального идеала. СССР есть не просто группа отдельных республик, а группа республик социалистических, т.е. стремящихся осуществить один и тот же идеал социального строя, и именно эта общность идеала объединяет все эти республики в одно целое.

И если со временем характер этого идеала изменится, все же самый принцип обязательной наличности общего идеала социальной справедливости и общей воленарправленности к этому идеалу должен продолжать лежать в основе государственности тех народов и областей, которые ныне объединены в СССР» [6]. Однако в долговременной перспективе, по мнению Н.С. Трубецкого, социалистический идеал не может быть основой объединения народов Евразии. Татарам или узбекам, для того чтобы строить социализм, совсем не обязательно быть вместе с русскими в составе одного государства.

Вышеуказанные взгляды евразийцев, по мнению Бердяева, показывают их непонимание того обстоятельства, что в русифицированном Лениным марксизме воспроизводилась русская идея, выступающая духовным основанием единства российского общества. В созданном Лениным учении образ социалистического государства, в превращенной форме, воспроизводил идею Царства правды, загнанную в глубины народного подсознания со времен религиозного раскола. Этот справедливый социальный идеал нельзя было строить каждому российскому народу в отдельности, так как фактор единства выступал неотъемлемой стороной его реализации в жизнь. Лишь соединившись в единой вере, народы России сообща могли строить справедливое общество. Каждый в отдельности мог построить только общество социально разделенное и несправедливое. Поэтому, по мнению Бердяева, и в будущей России необходимо сохранить идеал социальной справедливости как основу единения всех российских народов.

В связи со сказанным выше, на наш взгляд, необходимо отметить, что одной из основных причин развала СССР в начале 90-х гг., обычно называют экономический кризис, породивший дефицит и вызванное этим резкое недовольство населения в стране. Однако сам экономический кризис середины 80-90-х гг. явился следствием утраты духовности значительной частью элиты советского общества. Постепенно отказываясь от прежних социалистических идеалов и принципов, эта новая элита, как уже отмечалось, ничего кроме ценностей самообогащения и наживы предложить обществу не смогла, что фактически и означало полную утрату духовности.

Проявление подлинной духовности – это всегда стремление помочь тем, кто в этом нуждается. Это забота в первую очередь о других людях, а не о себе самом. Бердяев в связи с этим писал, что обеспечение хлебом себя – это

вопрос экономический, обеспечение хлебом других – это вопрос духовный. Следовательно, духовность – это желание и умение воспринимать нужды другого человека как свои собственные, это проявление заботы о людях.

Естественно, что утрата духовности значительной частью элиты советского общества явилась во многом результатом недооценки духа в прежней советской системе, попыток насилия над ним, которые неизбежно приводили к бездуховности, цинизму, мещанскому отношению к жизни, создавая благоприятную почву для усвоения буржуазных идей.

Власть в России в начале 90-х гг. XX века фактически устранилась от разработки идеологических ориентиров, способных сплотить народ. Периодически, правда, делались заявления о том, что необходимо предложить обществу национальную идею, но при этом подчеркивалось, что она не должна противоречить ценностям постсоветской России. Это больше напоминало попытку директивным путем спустить сверху новую, причем нравящуюся в основном власти, ценность. Национальную идею не пытались сформулировать, опираясь на культурные ценности и духовную память народа, ее стремились сконструировать и предложить народу. Ясно, что подобные попытки не могли привести ни к чему, кроме как еще большей утраты духовности и разочарования в обществе.

Все сказанное выше стоит на наш взгляд учитывать, при формулировании путей выхода из кризиса, в котором Россия находится. Преодолеть современное кризисное состояние российского общества с помощью только политических или экономических мер нельзя, хотя экономический рост для этого, естественно, необходим. Даже если представить, что удастся удвоить или утроить экономический потенциал страны, – где гарантия того, что те, кто в России и сегодня живут не бедно, захотят поделиться возросшим материальным благосостоянием с теми, кто в нищете. Необходимо пробудить в людях сострадание и самоограничение. Поэтому без духовного обновления и связанного с этим единения российского общества разрешить современные кризисные проблемы уже вряд ли удастся.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. *Бердяев Н.А.* Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М.: Наука, 1990.
2. *Бердяев Н.А.* Судьба России // Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. Судьба России. М.: ЗАО «СВАРОГ и К», 1997.
3. *Буйло Б.И.* Судьба России в культурно-исторической концепции Н.А. Бердяева. Монография. Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2003.
4. *Буйло Б.И.* Тема России в русской социально-политической и философской мысли конца XIX-XXI веков. М.: Юридический институт МИИТа, 2014.
5. *Полторацкий Н.* Бердяев и Россия (Философия истории России у Н.А.Бердяева). Нью-Йорк: Общество Друзей Русской Культуры, 1967.
6. *Трубецкой Н.С.* Общевразийский национализм // Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. М.: Аграф., 1999. С.496
7. *Федотов Г.П.* Судьба и грехи России //Избранные статьи по философии русской истории и культуры: В 2-х т. Т.2. СПб: София, 1991. С.452

R E F E R E N C E S

1. *Berdyayev N.A.* Russian idea. The main problems of Russian thought of the nineteenth century and the beginning of the twentieth century // On Russia and Russian philosophical culture. Philosophers of the Russian post-October revolution. M., 1990.
2. *Berdyayev N.A.* The fate of Russia // Berdyayev N.A. Russian idea. The main problems of Russian thought in the nineteenth century and the beginning of the twentieth century. The fate of Russia. M., 1997.
3. *Buylo B.I.* The fate of Russia in the cultural-historical concept of N.A. Berdyayev. Monograph. Rostov-on-Don, 2003.
4. *Buylo B.I.* The theme of Russia in Russian socio-political and philosophical thought of the late XIX-XXI centuries. M.: Law Institute of MIIT, 2014.

5. *Poltoratsky N.* Berdyaev and Russia (Philosophy of Russian History by N. A. Berdyaev). New York: Society of Friends of Russian Culture, 1967. P.194
6. *Trubetskoy N.S.* Pan-Eurasian Nationalism // Trubetskoy N.S. The legacy of Chin Giskhan. M., 1999. P.496
7. *Fedotov G.P.* The Fate and Sins of Russia // Selected Articles on the Philosophy of Russian History and Culture: In 2 vols. Vol.2. St. Petersburg: Sofia, 1991. P.452

12 февраля 2020 г.
